

живаний, раскрытых в «Журналах и письмах», и холодного анализа страстей, собственных и чужих. Байрон пишет нежные послания своим милым, чтобы в письмах друзьям подвергнуть критике и чувства и иллюзии, неизбежно с ними связанные.

Искренность Байрона очевидна; он искренен и в своих страстях, и в их бесстрастном анализе, в идеализации и в насмешке над идеализацией. Он смеется над женским страхом перед уничтожением иллюзий и всего, что «лишает чувства блеска и мишуры»¹⁸, над женской логикой, с ее стремлением во что бы то ни стало оправдать любовный грех, превращая его чуть ли не в добродетель¹⁹, и в то же время опять и опять оказывается во власти чувств, механизм которых только что с жестокой ясностью установил.

Непрерывная самохарактеристика, выявление структуры сознания, обращенного к читателям разными гранями, создают один из самых трудных для анализа художественных образов. По сложности он намного превосходит своих предшественников — Сен-Пре, Вертера, Ренэ, Оберманна и превосходит аналитических героев Константа, Стендаля, Мюссе, Лермонтова²⁰.

Характер, раскрытый с новой для его времени глубиной, благодаря сочетанию лиризма с объективным анализом, представлен во взаимодействии с чрезвычайно сложной обстановкой: Байрон участвует в политической борьбе английских партий, примыкая к самым крайним радикалам и поддерживая бунтующие народные низы как в парламентских речах, так и в стихах; он в гуще национально-освободительного движения в Италии и Греции и видит в этом свой исторический долг.

Его деятельность неизменно совпадает с основным направлением оппозиционных движений в Европе и вместе с тем, как показывают «Журналы и письма», сплетена с его интимно-личными обстоятельствами. В Англии он подал повод к небывалому скандалу, с готовностью раздутому его политическими противниками, а в многотерпеливой Италии оказался виновником развода графини Гвиччоли и сподвижником ее родных, известных карбонариев.

Он сам и чувства, которые он возбуждал, настолько выходили за рамки принятого, что вокруг него непрерывно кипели страсти, личные и политические. Трагическая судьба поэта стала основанием для осуждения враждебного ему строя. Он сознательно пишет дневники, письма, мемуары для того, чтобы они послужили его оправданию и обвинению его врагов²¹. Байрон превосходно понимал значительность своего эпистолярного наследия, понимал, что оно неотъемлемая страница истории его века. По верному замечанию А. А. Елистратовой, «Журналы и письма» дают живую и многостороннюю картину времени и его героев.

Несмотря на бесспорный субъективизм, байроновские характеристики основаны на тонкой наблюдательности и проникновении в мотивы человеческих поступков. Таковы, например, иронические портреты де Сталь и итальянского поэта Пиндемонте. Байрон подчеркивает эгоцентризм писательницы, ее пристрастие к лести, тщеславие, шумное красноречие, ее неустойчивую позицию по отношению к нему самому²²; он рассказывает, с каким удовольствием Пиндемонте реагировал на злословие о своих собратьях и с какой важностью слушал комплименты по собственному

¹⁸ Письмо к Меррею 12 октября 1820. — *Letters and Journals*, v. V, p. 97; ему же 6 июля 1821. — *Ibid.*, v. V, p. 321.

¹⁹ Письмо к Муру 25 марта 1817. — *Ibid.*, v. IV, p. 81.

²⁰ О шекспировской сложности характера Байрона см. *Wilson Knight G. Byron and Shakespeare*. London, 1966, p. 7, 9—10.

²¹ *Whibley Cf. Ch. The Limits of Biography*, 1897. In: *J. L. Clifford. Biography as an Art. Selected Criticism (1560—1960)*. London, Oxford University Press. New York, Toronto, 1962, p. 109.

²² Письмо к Муру 2 января 1821. — *Letters and Journals*, v. V, p. 213, также записи 7 декабря 1813. — *Ibid.*, v. II, p. 369—70.